

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр.4-5

стр.16-17

ЧЕЛОВЕК
СИЛЬНОЙ ВОЛИ

Бульварные новости

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№27 (108)
июль 2022

стр.14-16

ЭСЕРОВСКАЯ
БОГОРОДИЦА

стр.6-7

НИКОЛАЙ
ВОЛКОВ-
СТАРШИЙ,
КИНО,
ОДЕССА...

ТЕАТРАЛЬНЫЕ КАПУСТНИКИ

Рассказ заядлого театрала

стр.8-11

ТЕАТРАЛЬНЫЕ КАПУСТНИКИ

Рассказ заядлого театрала

Елена Киселёва

Русский Марсель Марсо — Анатолий Елизаров и артисты Театра миниатюр

С Борисом Грачевским

У Москвы есть множество привычных нам всему уху исторических названий и прозвищ, которые говорят о городе больше, чем любые описания в учебниках и путеводителях: златоглавая, белокаменная, первопрестольная, город на семи холмах, «Третий Рим» и даже... «большая деревня».

Любопытно, что многие известные люди сравнивали Москву с деревней: так, Фаина Раневская отмечала, что большая деревня у нас — только Москва, а критик Виссарион Белинский неоднократно делал на этом акцент в переписке с известными писателями и деятелями культуры. Повод говорить о деревне дают, в частности, случайные встречи: увидеть знакомого человека в много миллионном городе, казалось бы, дело крайне маловероятное, и все же такие встречи регулярно случаются. Притом именно в Москве!

А ещё мы знаем, что Москва слыла кулическим городом, её прославили знаменитые кулические фамилии Морозовых, Прохоровых, Сорокиновских... А уж о кутежах, которые устраивали купцы в «Славянском базаре» и в «Яре», воспоминания сохранились не только в исторических хрониках. Красочные рассказы о них оставили в своих произведениях Лесков, Куприн, Бунин и многие другие классики русской литературы.

В веренице о многом говорящих коренным жителям столицы элитотов остановимся на этом: Москва театральная. Ну, скажите: в каком городе мира, пусть даже самом большом, можно насчитать столько самых разнообразных

театров, — буквально, на любой вкус?! Ну, а в контексте истории было бы любопытно вспомнить о том, что знаменитые уникальные капустники — шуточные самодеятельные представления, которые устраивались театральными актерами для узкого круга друзей и знакомых, — были придуманы именно в Москве, а точнее — в Московском художественном театре. (Хотя это право оспаривают, считаю, беспочвенно, Питер и Ярославль).

Начало капустникам МХТ было положено в 1899 году. На них допускались лишь артисты МХТ и немногие избранные друзья. После окончания очередного спектакля артисты собирались в театральном

буфете и обменивались впечатлениями о представлении, рассказывали только что сочинённые анекдоты, делали пародии друг на друга. На капустниках царили импровизация, искрометное веселье и непринужденная атмосфера, а скромными закусками подкреплялись, стоя у буфета. В этих представлениях принимали активное участие не только ведущие актеры труппы, но и К.Станиславский и В.Немирович-Данченко, а среди приглашенных бывали А.Чехов, М.Горький, Ф.Шаляпин.

Итак, начало капустникам было положено в Московском художественном театре. Весть о них быстро распростра-

нилась в театральных кругах. Неподражаемый репортёр Гияловский, частый гость этих зализватских мероприятий, подробно описывал их в городских хрониках. И вот уже актеры других театров стали с завистью посматривать на то, что поздними вечерами происходило за стены МХТ, стали засыпать на вечеринки тайных «разведчиков», чтобы разузнать, что такого феерического напридумывали «этим мхатовским гордецам», что вся Москва только об этом и говорит!

Любопытна история самого названия этих весёлых мероприятий: почему именно «капустник»? Само слово «капустник» ввёл в обиход ещё Великий

С президентом Российской ассоциации иллюзионистов Владимиром Рудневым и звездой Вахтанговского театра — Александром Павловым

Симон Осиашвили и Бари Алибасов — соавторы сценариев капустников

С режиссером Алексеем Учителем, джазовым музыкантом Даниилом Крамером и руководителем труппы Имперский балет Гедиминасом Тарандой

Михаил Семёнович Щепкин, на покатах Малого театра. Со временем Щепкина главным атрибутом актерских праздников считалась капуста во всех видах. Причем традиция зародилась сама собой: по окончании зимнего сезона (когда начинался Великий пост и спектакли играть запрещалось) — на квартирах у артистов Малого театра собирались «свои» зрители — подвести итоги и, конечно, вспомнить сцены из любопытнейших спектаклей.

Именно потому, что поначалу капустники проводились во время Великого поста, когда «ели не мясо, а капусту», видимо, Щепкина и зацепило это слово, и он образовал от него название целой традиции.

Содержание меню театрального буфета того времени соответствовало программе вечеринок. Пирожные «Шутка по Станиславскому», коктейли «Хромая балерина», пирожки «Соль в супах» и торты «Шепот супфера» так и простились в традиции.

Содержание меню театрального буфета того времени соответствовало программе вечеринок. Пирожные «Шутка по Станиславскому», коктейли «Хромая балерина», пирожки «Соль в супах» и торты «Шепот супфера» так и простились в традиции.

Содержание меню театрального буфета того времени соответствовало программе вечеринок. Пирожные «Шутка по Станиславскому», коктейли «Хромая балерина», пирожки «Соль в супах» и торты «Шепот супфера» так и простились в традиции.

Содержание меню театрального буфета того времени соответствовало программе вечеринок. Пирожные «Шутка по Станиславскому», коктейли «Хромая балерина», пирожки «Соль в супах» и торты «Шепот супфера» так и простились в традиции.

Содержание меню театрального буфета того времени соответствовало программе вечеринок. Пирожные «Шутка по Станиславскому», коктейли «Хромая балерина», пирожки «Соль в супах» и торты «Шепот супфера» так и простились в традиции.

Содержание меню театрального буфета того времени соответствовало программе вечеринок. Пирожные «Шутка по Станиславскому», коктейли «Хромая балерина», пирожки «Соль в супах» и торты «Шепот супфера» так и простились в традиции.

И тут возникает фигура Никиты Федоровича Балиева. Однажды он вместе со своим другом, меценатом Николаем Тарасовым, известным нефтепромышленником, приехал из Ростова. Балиев мечтал попасть во МХАТ. Внешность у него была своеобразная — он был маленький, толстенький, смешной, с ростовско-армянским говором. Очевидно, что ни о каком попадании в самый интеллигентный на тот момент театр — МХАТ, речи быть не могло. Но однажды случилась беда во МХАТе — они прогорели, съездили на гастроли, и Николай Тарасов сказал: «Я дам денег в театр, если вы возьмете Балиева». Балиева взяли... Сыграл он, сожалению, только одну роль — Хлеба в «Синей птице» — больше ему не давали никаких ролей из-за его говора и специфической внешности, но раз в году он становился королем МХАТа — во время Великого Поста. На Великий Пост, как известно, мясо есть нельзя, работать тоже не полагается, но веселиться-то

хочется всегда. А, начиная с 1902 года, Балиев создавал ещё и так называемые «новакапы», то есть новогодние капустники.

Постепенно стало понятно, что капустники, которые делаются во МХАТе, превращаются в самостоятельное действие, а не просто остаются актерскими посиделками. И Балиев создал в Замоскворечье закрытый актерский клуб «Летучая Мышь». Постепенно он стал идеологом новой формы театрального искусства — театра миниатюр. В качестве первого представления театра-кафе были показан спектакль-пародия на «Синюю птицу», а символом театра стало изображение летучей мыши с расправленными крыльями на занавесе — пародийный намек на Чайку, уже признанный символ Художественного театра. Представление в ночном актерском кафе не на что не были похожи. Посторонним на представления «Летучей мыши» пройти было немоверено трудно. Таинственность происходящего в закрытом клубе Художественного театра накаляла любопытство околовтеатральной публики. Случи — один заманчивее другого — драз-

нили воображение и будоражили всю Москву. «Шутки богов» — так назовет свою заметку корреспондент, допущенный через год после открытия в кабаре.

Успех у Балиева был огромный — надо сказать, что «Летучая Мышь», в отличие от МХАТа, никогда не прогорела.

На капустниках в дореволюционной Москве была коронарная сцена. На переднем плане сидели два артиста. Один с портретным сходством был загримирован под Станиславского, другой — под Немировича-Данченко.

Из-за кулис появлялся третий артист, игравший режиссера Музкального театра Донатова, который носил большую оладистую бороду.

Станиславский спрашивал, указывая на Донатова:

— Это... это кто такой?

Немирович-Данченко отвечал, поглядывая свою бороду:

— Это известный режиссер Донатов.

Станиславский разводил руками и говорил, глядя Немировичу в лицо:

— Режиссер? С бородой? Да бег с вами. Режиссеров с бородой не бывает.

Занавес закрывался под несмолкающим хохотом зала.

Впрочем, были и нестареющие номера, не требующие пояснений. Например, сцена «Что было на следующий день после отъезда Хлестакова». Все персонажи голговской пьесы собирались в полной панике и растерянности. Землянику предлагали испытанное средство — взятку. Все собирались, кто сколько при себе имел, клали сумму в большой конверт и, замирая от страха, ожидали настоящегоревизора. Наконец он появлялся.

Маленький, лысый, плуговый, в зелено-золотом мундире, с треуголькой под мышкой и шлагой на боку. Ревизор проходил мимо чиновников, смотрел им в глаза и лобно шипел:

— Под суд! Под суд! Всех под суд!

Тогда Землянику незаметно роняли позади него конверт, тут же поднимал и пободростно протягивал ревизору:

— Виноват-с, ваше превосходительство. Вы изволили обронить-с.

Ревизор брал конверт, выдерживал паузу и говорил, глядя на Землянику в упор:

— Я обронил два конверта.

Чиновники облегченно вздыхали.

Долгое время капустники устраивались исключительно для своей публики, пока, наконец, 9 февраля 1910 года в Художественном театре не состоялся вечер, билет на который мог купить любой желающий.

...А в это время в самом центре города на Пущечной улице, в доме 9 — набирал обороты популярности Московский Немецкий клуб со своим самобытным рестораном. Теперь уже и не вспомнить, кому первому пришло в голову провинить инициативу и собрать актерскую братию в ресторане Немецкого клуба, но факт остается фактом: туда поздними вечерами, чтобы отдохнуть и расслабиться после спектаклей, стали собираться артисты самых разных театров. Поначалу «в пику» мхатовцам. А потом и с их участием.

Правил бал в ресторане Немецкого дома шеф-повар (имя его история, к сожалению, не сохранилась), коронным блюдом которого были пироги с капустой. Говорили, что, пробуя их, можно было проглотить языки, — до того они были вкусны! Молва об этих пирогах быстро разлетелась по Москве. Вот так поздними вечерами там взяла за правило собираться театральная бомба. П. Садовский, В. Качалин, И. Москвин, Л. Собинов, А. Нехданова, К. Станиславский, В. Немирович-Данченко, Ю. Книппер-Чехова — всех них сейчас, пожалуй, и не перечислить. Вечеринки проходили по известной схеме: дружеские застолья сопровождались импровизированными выступлениями, скетчами, пародиями, розыгрышами. Собирались на пироги с капустой почти каждый день, и не делали различия: кто в каком театре служил. Вот так за этими самодельными представлениями прочно закрепилось название «капустники».

Справедливости ради, надо сказать, что дом этот пользовался популярностью среди актеров и театралов задолго до описываемых событий: еще в 1891 здесь устраивались спектакли Общества искусства и литературы, на которых впервые выступил в качестве режиссера

Режиссер Аким Салбиев

Окончание на с. 10

Окончание. Начало на с.9

К.С.Станиславский.

Так, 8 февраля 1891 г. на сцене этого клуба прошла с успехом пьеса Л.Н.Толстого «Плоды просвещения». На роль Бетси режиссер спектакля К.С.Станиславский впервые пригласил doch известного певца Ф.П.Комиссаржевского — Веру. (О том, что здесь К.С.Станиславский осуществил первые режиссерские работы, говорят установленная на стене мемориальная доска).

На сцене клуба играли спектакли многие театральные кружки, в залах проводились семейные и танцевальные вечера, балы, вербные и рождественские благотворительные базары.

К идеологическим метаморфозам можно отнести то, что клуб, называвшийся сначала Московским немецким клубом, в связи с началом первой мировой войны в 1914 г., когда в обществе оживились патриотические чувства, был спешно переименован в Московский славянский клуб. А в 1918 году прекратилось и существование Московского славянского клуба.

Но Общество искусства и литературы никуда не делись. Оно просто переехало в небольшое здание в Старопименовском переулке, где, на его основе, — по инициативе А.В.Луначарского — в 1930 году был создан клуб мастеров искусств. Восемь лет спустя Клубу мастеров искусств, получившему теперь новое название — Центральный Дом работников искусств (ЦДРИ), передали особняк на Пущечной улице, в доме 9, — прежде известном как Московский Немецкий клуб.

Наверное, я одна из немногих, кому посчастливилось попасть в Центральный дом работников искусств сразу после школы. Пришла устраиваться в ЦДРИ на работу: поступила на вечернее отделение журфака МГУ (на дневное попасть было нереально), а по тем временам студентам-вечерникам надо было обязательно где-то работать. Это было в середине 70-х годов. Директор ЦДРИ В.Г.Тарасов с радостью взял меня на должность секретаря, потому что секретари на этом месте менялись, как перчатки: никто больше трех месяцев не задерживалася, а тут появлялась надежда, что проработаю до конца учебы...

Сидела я в старом здании в прямойной среди зеркал и огромных стеклянных шкафов с подарами ЦДРИ (за что это место острослова, быстро окрестили «бударом») и внимательно наблюдала за происходящим, как истинный журналист. Должность моя называлась очень претензионно: «зав. столом личного состава», по сути — секретарь и зав. отделом кадров в одном флаоне. Утром я с благоговением поднималася по ажурной чугунной лестнице мимо венецианских зеркал и портретов великих артистов в свой «будар» и тут... начиналось свяшеннодействие!

Рабочий день в ЦДРИ был похож на нескончаемый спектакль: мастера ис-

**С легендарной певицей
Светланой Непомнящей
и конферансье
Арнольдом Гумником**

**Солист Московской
оперетты Виктор Богаченко
в образе графа Федерико**

кусств приходили репетировать и обсуждать с дирекцией предстоящие творческие вечера, работники ЦДРИ придумывали, как эти вечера устраивать на высшем уровне, попутно у кого-то наступали дни рождения и юбилеи, — тут надо было позаботиться о шуточном поздравлении или капустнике (они, к слову, по-прежнему были настоящей «визитной карточкой» коллектива). Гриша Берман — Балагур и приколист, отчевавший за печатание роскошных пригласительных билетов, постоянно носился с эскизами билетов из кабинета в кабинет, по пути успевая рассказать пару свежих анекдотов и с десяток чужих секретов. Заведующая Бюро обслуживания — Нина Семёновна Галендеева, заглядывая с пачкой пригласительных билетов подмышкой к заместителю директора Эммануилу Самойловичу Разниковскому, смиерив своим грозным взором присутствующих в Приёмной, наводила на всех ужас своей непрступностью... Завхоз Кира Николаевна следила за чистотой с таким рвением, что пыль в ЦДРИ можно было увидеть только под микроскопом. Весь день в Биллиардной работал, как положено, маркёр. А аккурат возле Приёмной располагалася «Гардеробщик Правления!» Вернее, гардеробщица, и звали её Софья Адамовна. И поскольку наши Народные артисты СССР традиционно одевались в тяжеленные — до пят — шубы, ей, бедной, приходилось ой, как нелегко! Приедут на вечер, бывало, Михаил Царёв с Иваном Любезновым, их надо раздеть и одеть. И калоши снять, и щёточкой пиджак прочистить...

В 70-е годы ЦДРИ стал стартовой

площадкой для многих молодых и талантливых артистов, которые потом бы-

стро набирали обороты в профессии. В коллективе «Первый шаг» начали свой творческий путь Геннадий Хазанов, Лена Камбурова, Жанна Бичевская, Эдита Пьеха собирали в ЦДРИ полные залы.

В Доме постоянно что-нибудь происходило. То приедет с международного конкурса победителем Давид Ойстрах, то Святослав Рихтер или Эмиль Гилельс заглянут в Голубую гостиную порепетировать.

То прибежит ко мне молодая гардеробщица (тоже студентка): «Там Фурцева приехала, а с ней — Роберт Рождественский, Кобзон и Женя Евтушенко. На Жене таааакая шуба из горностая — до пола! Он ей из Америки привёз! Они сейчас пойдут в «Кукушку» пирорвать! Пойдём посмотрим!» А мне свой пост — между двух кабинетов — директора и его зама — покидать ну, никак нельзя... Но шубу то евтушенковскую я всё-таки краем глаза увидела...

То заглянет (уже по пути из «Кукушки») Руфина Ниfonova — с рассказом о том, как Фурцева с актёрами принимала самого Рокфеллера, и как Олег Даль, демонстрируя свою удачу, пил на приёме шампанское из её, Руфины, туфельки...

То вдруг, наполняя Приёмную своей энергетикой, явится сам Иван Семёнович Козловский и, перекрестившись, затянет своим неповторимым тенором: «Я помню чудное мгновенье...» Или Георгий Вицин в ожидании директора примется неожиданно выступать в роли Сахара, изображая, как он ломает свои пальцы, чтобы угостить детишек сладким, — только что, прида с репетиции «Синей птицы»... Мне порой приходилось быть не только секретарём, но и играть роль внимательного слушателя, а то и душепасительной «килетки»: поскольку наша Приёмная, она же «будар», была ещё и исповедальной. Каких только историй — умопомрачительных и нереальных — мне не приходилось выслушивать! С уверенностью могу сказать: это была настоящая школа жизни и воспитания чувств. В коллективе царила дружеская атмосфера и витал сквозной дух!

В октябре 1973 года в Москве состоялся Всемирный Конгресс миролюбивых сил, в ЦДРИ проходила одна из секций Конгресса, и выступать на ней должен был САМ Леонид Ильич Брежnev! Что тут началось!!! За два месяца сотрудниками КГБ проводилась проверка всех работников на лояльность и тщательный инструктаж всех служб Дома! Всех неблагонадёжных (по мнению КГБ) заставили уволить или отправить в отпуск. На меня легла большая нагрузка по подготовке документов. Именно тогда я дала себе зарок: никогда больше не работать в отделе кадров!

В день, когда в ЦДРИ должен был приехать Брежнев, Дом наводнили десятки людей в штатском. Только в Приёмной расселились человек семь. Я сидела под

Участники очередной капустной тусовки в ЦДРИ

пристальными взглядами ответственных работников, и сказать, что мне было не по себе, — это значит: ничего не сказать! Понапалу мне было непонятно, почему их так много ни в зале, где выступал Леонид Ильин, а именно в Приёмной. Но ларчик вскоре раскрылся: обедать Брежнев должен был в кабинете директора ЦДРИ. Вот это был настоящий цирк: нам приказали сидеть тихо и не двигаться. КГБшники встали в цепочку. В кабинет директора пронесли несколько запломбированных баулов из нержавеющей стали. Один из сотрудников был вызван, чтобы попробовать пищу (а вдруг отравлена?). Самого Брежнева я не видела: он зашёл в директорский кабинет с другого входа. Но после обеда нам в Приёмной вынесли обеды с барского стола, — признались: лимонов такой величиной и с такой тонкой кожурой я не видела ни до, ни после того дня, а печеные буквально гавло по рту и напоминало некоторое...

Но все истории меркнут перед знаменитыми на всю Москву новогодними Посиделками в ЦДРИ! Это, по сути, и по жанру, были Гранд-калпушки: они длились всю ночь!

Помню, как щатцально в ЦДРИ готовились к посиделкам! Все буквально «стояли на ушах»: зам, директора по хозяйственной части Г.М.Давидян отвечал за «доставление» дефицитных и доселе невиданных призов (это в эпоху повышенного дефицита!). Он отправлял гонцов по городам и весям, и даже по отдалённым республикам Союза, за чём-то умопомрачительным, способным поразить воображение высоких гостей Посиделок... Энгелиса Георгиевна Погорелова с коллегами тем временем ломали головы над придумыванием всевозможных сюрпризов. А гости! Гости буквально дрались, выцарапывая заветные билетики в ЦДРИ! Популярность этого ЦДРИ-ского мероприятия в те далекие 70-е годы была феноменальной!

Накануне Посиделок дирекция ЦДРИ, как правило, в замешательстве: билеты сметены в пыль, а от желающих нет отбоя: Ульянову, и тому, пришлося отказать! Кто-то обижается, кто-то пытается переместиться на Посиделки к конкурсантам — в Дом актера... А долгожданная дата, между тем, стремительно и неумолимо приближается!

Самое интересное, конечно, было, сидя в уголке, наблюдать за выдающимися работниками искусств, резвящимися, как дети! Здесь никто не откладывался от участия в самых хулиганских конкурсах: требовалось раздеться — раздевались до трусов и даже больше! Танцы тури пели, певцы участвовали в акробатических композициях, композиторы выступали в роли пародистов, а драматические артисты играли на раз-

Калпушник выпускников театральных вузов Москвы

ных инструментах. И это всё персонажи уровня К.И.Шульженко, М.Магомаева, Р.Я.Плятта или В.П.Марецкой... А правил было обычно САМ Борис Сергеевич Брунов, признанный балагур и шутник.

Кто-то, помню, придумал конкурс красоты: приволокли два трафарета с вырезанными «идеальными» параметрами фигуры, — и гости Посиделок по очереди пытались в них уместиться: все буквально падали со смеху! Выиграла, конечно же, те, кто идеальной фигуры вовсе не отличался... Ну и, естественно, на посиделках безраздельно царил экспромт! Запомнились мне лишь две сочинённые кем-то «на раз» частушки:

*Не ходи ко мне в пальто:
Сразу видно, кто есть кто!
А в дублёnek на меxу
Сразу видно: ху из ху!*

*Я милёночка вчера
Пригласила в оперA!
Он сказал: «Сошла с ума.
Сходим лучше в синема!*

Приведу фрагмент воспоминаний члена Правления ЦДРИ, известного эстрадного автора Георгия Терикова:

«Посиделки в ЦДРИ в период их расцвета режиссировал Алексей Полевой: он был художественным руководителем цеха сатиры и юмора и организовывал прекрасные калпушки. Я ещё не вхилился в Москву, а уже за одним столом с Утёсовым сидел! А потом посиделки вёл Брунов, я помогал ему делать всякие трюки, писал эпиграммы. Запомнился один калпушник, когда мы решили «вытаскивать» артистов (а приходили очень известные), чтобы каждый выступал не в своем жанре. Зыкина, например, пела цыганский романс, хотя говорила: «Это не мой жанр!», Броневой играл на рояле,

Магомаев делал пародии (очень, кстати, хорошо!). Он имитировал разные голоса потрясающие: показывал Георгия Отса, Рашида Бейбутова, Полада Бюль-Бюль оглы. Танцор Махмуд Эсамбаев показывал фокус — что-то из своей папахи доставал. Он же обычно никогда не снимал папаху, а тут снял и представил перед публикой в неожиданном виде.

А один раз был конкурс: кто больше с себя снимет одежду. Поставили ширмы на сцене, предпоследним оттуда вышел Лановой в одних трусах — вроде как победитель. И вдруг Людова говорит: «Да дуя вам с маком!» — и вышла из-за ширмы голая. В итоге, конечно, победила она!

Потом мы придумали игры «в номерки»: с Бруновым заранее приклеили номерки на все кресла в зале. Их было где-то около трёхсот. И вот идёт разыгрывал лотереи, называют номер, а никто не знает, какие там наклеены номера. Мы объясняем, например: «Победил номер 24», и весь зал встаёт, переворачивает стулья, ищет номера. Выиграла тогда, по-моему, Гурченко: по условиям она должна была танцевать. (На всех посиделках был популярен номер «Танцы»). Танцевала Гурченко с Синчким, который играл Басторского в «Неуволнимых мистериях». И как искромётно они это делали...

Конкурсы калпнических были уйма, но публика в ЦДРИ такая, которую надо всегда удивлять, поэтому мы старались каждый раз что-то особенного придумать. Приходили все мыслимые и немыслимые звёзды, но если Брунов говорил: надо выйти и что-то сделать, — отказа не должного было быть!

Пришли как-то Лиознова, Броневой, Тихонов из «Семнадцати мгновений весны»

и, кажется, Визбор. И мы придумали: как будто Борман телеграмму приспал из Южной Америки. Там было написано: «Поздравляю. Фильм очень понравился. Всех обнимая. Борман». Причём принес её настоящий почтальон, передал кому-то в зал, что-то прошептал кому-то на ухо. Розыгрыш удался! Когда мы прочитали телеграмму, Татьяна Лиознова вскочила и воскликнула: «Я же вам говорила, что Борман жив!»..

Сейчас посиделки и калпушки тоже проходят, но дело в том, что те знаменитости ушли уже, а у молодых звёзд другие интересы».

...Вот и у меня в памяти события, связанные с ЦДРИ, запечатлены короткими яркими вспышками. Понапалу думала: как жаль, что не записывала, понадеявшись на то, что забыть эти мгновения не смогу. Но теперь понимаю: кому, кроме моих袍友们 и коллег по Правлению, это всё интересно?! Молодые люди сейчас особо не стараются что-либо запоминать, — у них есть гаджеты: в любой момент любую нужную информацию можно добыть хоть из мобильного телефона. И фамилии когда-то знаменитых деятелей искусства им ничего не говорят... Да что там: мои студенты не знают, кто такой Мусилин, Магомаев, Евгений Евстигнеев, Алла Ларинова... Про Лепешинскую они слухом не скрывали, а до Майи Плисцецкой им вообще нет дела! Занимаюсь теперь ликбезом в должностях заведующей кафедрой театра и кино в одном из московских вузов. Если не мы, — то кто же?..

**Елена Киселёва,
теле журналист,
член Правления ЦДРИ,
член СПСА**

На сцене — студенты театрального курса Андрея Молоткова